

Опаленная юность

Ольга Кучеренко

Пятнадцатилетним мальчишкой, закончившим с отличием в июне 1941 г. седьмой класс железнодорожной школы № 15, встретил войну мой папа Владимир Афанасьевич Кучеренко. Его мама, а моя бабушка Ольга Владимировна! Кучеренко перед войной работала в городской библиотеке им. А. П. Чехова.

Когда в октябре немцы подошли к Таганрогу, предприятия вывозили оборудование и людей (много эшелонов, готовых к отправке, так и не покинули Таганрог, так как немцы перерезали железную дорогу под Вареновкой), а работники городских библиотек спасали библиотечные фонды.

И вот уже в оккупированном немцами Таганроге в сильный мороз закутанные в платки немолодые женщины (молодые могли попасть в облаву и, как следствие, быть отправлены в Германию) на саночках перевозили книги в глубокие подвалы бывших купеческих особняков. Володя помогал матери и сильно обморозил руки, так как, кроме книг, возил на саночках и воду, ведь водопровод не действовал.

Затем папа получил повестку на отправку в Германию. К счастью, до Германии он не доехал — эшелон с подростками выгрузили под Сталино (г. Макеевка) и погнали ребят на строительство военного аэродрома. Поселили их рядом с аэродромом за колючей проволокой в бараках. Папа, рост которого был 1 м 84 см, весил чуть больше 50 кг. Чудом ему удалось бежать, разыскать в Макеевке родственников и у них укрыться.

С кем-то из тех, кто менял вещи на продукты, чтобы выжить, он передал маме записку. И вот бабушка, когда-то закончившая Мариинскую гимназию и знавшая языки, умолила взять ее в товарняк с немецкой техникой, идущий в сторону Донецка. Оттуда они с сыном проселочными дорогами пешком добирались в Таганрог — днем шли, ночью просились к людям на ночлег. С особым теплом вспоминала бабушка немолодую женщину из деревни Анастасиевки, давшей им на дорогу узелок с последними продуктами.

Папа еще перед отправкой в Германию узнал от соученика, что ребята из его школы организовали группу, чтобы вредить оккупантам, но когда он вернулся в Таганрог, все мальчики уже погибли, став жертвой предателя.

С Миуса днем и ночью слышалась канонада, к ней прислушивались и ждали, когда же придет долгожданное освобождение. А уже через несколько дней после прихода наших бабушка со слезами провожала сына на фронт. К этому времени она уже знала, что ее старший сын — военврач Михаил — попал в «котел» под Киевом и погиб. А папе — семнадцатилетнему — в документах добавили год, как и еще многим его ровесникам. Они считались потом «добровольцами», исхудавшие мальчишки, пережившие оккупацию родного города. Из них почти никто не вернулся с фронта домой...

Папа вернулся. С осколками в теле, чудом оставшись в живых после тяжелых ранений, второе из которых он получил в районе озера Балатон в Венгрии накануне Победы.

Папа редко надевал награды, да и немного их было — медаль «За отвагу» и юбилейные медали. Последним юбилеем Победы для папы стало сорокалетие — вскоре мы потеряли его, сказалось подорванное войной здоровье. Судьба папы типична для его поколения и его времени.

Об этом времени, на мой взгляд, точно говорят строки, написанные недавно ушедшей из жизни папиной двоюродной сестрой Еленой Никитичной Кучеренко. Вот как описала она то страшное лето сорок первого года (она отъезжала в эвакуацию с

предприятием на Урал, а ее молодой муж ушел на фронт и не вернулся) в стихотворении «Предчувствие», написанном в 1992 году:

*Наготове стоят вагоны,
нагруженные скарбом земным,
и людским, и земным заслоном
от несущейся смерчем войны.
Тишину после первой бомбежки,
опустелый заводский двор
суждено мне до капли, до крошки
удержать и нести с этих пор.
У распахнутой в пропасть двери
ты на плечи мне руки кладешь
и опять повторяешь, не веря,
что приедешь, догонишь, приедешь.
Знаю: годы только умножат
смертный ужас разлуки с тобой.
Слышу, как холодеет кожа
под уже отчужденной рукой.*